

- Брат Шань (1), такие вот нежные, белокожие книжные черви без очков - всё равно что слепые котята. Не то что ударить тебя - они, поди, и шагу ступить по улице бояться, - зеленоволосый хулиган наступил на упавшие очки и с наслаждением вдавил их в асфальт подошвой. - Не умеешь драться - не лезь в герои, красавиц спасать (2).

Услышав их улюлюканье и гогот, Дин Ян больше не мог сдерживаться. Он сжал кулаки, готовый броситься в драку. Но едва он сделал шаг вперёд, как чья-то рука стиснула его плечо. Он обернулся: это был Шэнь Чан Ань.

- Чан Ань...

Шэнь Чан Ань покачал головой и, не торопясь, принялся закатывать рукава рубашки, обнажая белые, почти фарфоровые предплечья.

- Редко услышишь, чтобы кто-то сам напрашивался на тумаки. Как же я могу отказать человеку в такой малости?

- Ого?! - главарь по кличке "брат Шань", услышав это, мгновенно взвился: он почувствовал себя оскорблённым до глубины души. Парень обернулся к своей свите: - Братья, покажите этому фрукту, где раки зимуют. Если мы не заставим его мяукать, как котёнка, он, видать, так и не поймёт, что спасать красавиц - занятие не для лохов.

Шэнь Чан Ань тихонько усмехнулся. Его глаза - чёрные зрачки на белоснежной склере - смотрели на брата Шаня с выражением пай-мальчика, не ведающего о превратностях этого жестокого мира. Шань дёрнул головой, отгоняя непрошенное, сосущее чувство вины, и махнул рукой подручным, давая знак начинать.

- Чан Ань, берегись! - Дин Ян увидел, как зеленоволосый взвился в воздух, целясь ногой в нового коллегу. Сердце его ушло в пятки. Но прежде, чем он успел хоть как-то отреагировать, Шэнь Чан Ань спокойно, будто срывал морковку с грядки, перехватил летящую ногу нападавшего.

Короткий, почти ленивый удар ребром ладони - и зеленоволосый с диким воплем рухнул наземь. Шэнь Чан Ань взглянул на корчащегося от боли хулигана и виновато улыбнулся:

- Извини, давненько не дрался, с силой не рассчитал. Уж ты не обессудь.

Хулиганы ошеломлённо уставились на противника:

- ...

Сюй Цзэ и Дин Ян, уже изготовившиеся прийти на помощь, застыли с похожими выражениями полнейшего шока на лицах:

- ...

- Чтоб тебя, дед твой в печёнках! – брат Шань развернулся к остальным. – Вы что, стадо баранов? Валите все разом!

Шпана наконец очухалась и с диким рёвом кинулась на Шэнь Чан Аня. А дальше Дин Ян с Сюй Цзэ стали свидетелями удивительного зрелища: свирепые, разъярённые хулиганы в руках у Шэнь Чан Аня превратились в цыплят, которых таскают забавы ради. Одного он сшиб с ног левой рукой, двоих – пинком правой. Не прошло и пары минут, как вся шайка вповалку валялась на асфальте.

- М-да? – Шэнь Чан Ань с лучезарной улыбкой уставился на единственного оставшегося на ногах брата Шаня. – Так что, мне всё-таки придётся тебя ударить? Я человек негордый, всегда рад помочь. Ты ведь сам просил. Нехорошо будет, если я тебе откажу.

- Знаешь... я думаю, иногда очень даже хорошо брать свои слова обратно (3), – брат Шань сглотнул подкативший к горлу комок, глядя, как корчатся на земле его подручные. – Братан... мы неправы были. Мы больше никогда, никогда не будем приставать к женщинам. Отпусти нас, а?

- Верить мужику на слово – всё равно что среди бела дня чёрта искать (4), – Шэнь Чан Ань вздохнул. – Пожалуй, я всё же лучше тебя отгуплю.

- Братан! То есть – Босс! У меня дома мать старая, семьдесят лет уже, кормить некому! – брат Шань сдался на удивление быстро. – Если я ещё хоть раз хоть к одной бабе пристану... чтоб у меня... чтоб у меня всё отсохло!

Дин Ян невольно скрестил ноги.

"Ну и тип, такие клятвы давать – это ж надо быть таким отчаянным".

- А ну-ка, напомни, – Шэнь Чан Ань продолжал всё так же мягко улыбаться. – Что ты там говорил? Во что ты меня превратить обещался? Повторишь?

Лицо Шаня переменялось раз пять: с мертвенно-бледного на синевато-зелёный, с синевато-зелёного на багровый. Наконец он понурил голову и выдавил:

- Мяу... мяу...

- Что ты сказал?

- Я говорю: я должен мяукать! Мяу-мяу-мяу-мяу!

В эту секунду брат Шань физически ощутил, как его образ крутого главаря рассыпается в прах, уносимый ветром в ночную тьму, – исчезает бесследно и бесповоротно.

Звуки кошачьего мяуканья, которые он издавал, повисли в воздухе. Вся округа погрузилась в такую глубокую тишину, что слышно было только их жалобное "мяу".

– А теперь, – Шэнь Чан Ань аккуратно расправил закатанные рукава. – Извинитесь перед дамой. Ещё в детском саду нас учили: если сделал что-то нехорошее, обязательно нужно сказать "простите". Вы же не забыли?

– Не забыли, не забыли! – брат Шань закивал как болванчик. Вслед за ним, кряхтя и постанывая, с трудом поднялись на ноги его подручные и, понурив головы, принялись бормотать извинения в сторону Чэнь Пань Пань.

Чэнь Пань Пань, которая всего минуту назад была напугана до полусмерти и кипела от злости, теперь с трудом сдерживала смех – до того жалкий и нелепый вид имели эти горе-забияки.

– Запомните сегодняшний урок. Если ещё раз пристанете к женщине... – Шэнь Чан Ань многозначительно скользнул взглядом по поясам хулиганов. – А вдруг клятва-то работает?

Лицо брата Шаня окончательно позеленело. Но он не посмел вымолвить ни слова. Вместе со своей шайкой он бросился наутёк, спотыкаясь и чуть ли не кубарем катясь по дороге.

– Постойте-ка.

Плечи брата Шаня дёрнулись. С видом приговорённого, идущего на казнь, он обернулся:

– Босс... ещё какие-то распоряжения будут?

– На лечение, – Шэнь Чан Ань сунул ему в руку сотенную купюру. – Идите.

Сжимая в трясущихся пальцах эту сотню, брат Шань чувствовал себя так, будто держит химическое оружие. Он скомкал бумажку и, не оглядываясь, рванул прочь, только пятки засверкали. Боялся: замешкается – и половину жизни здесь оставит.

Провожая взглядом улепётывающих во все лопатки хулиганов, Чэнь Пань Пань рассыпалась в благодарностях Шэнь Чан Аню, то и дело повторяя, что обязательно купит ему новые очки.

– Ерунда, – Шэнь Чан Ань взглянул на растоптанные останки своей оптики. – У меня дома запасные есть.

- Давай мы тебя проводим. Ночь на дворе, темно, без очков-то небось неудобно, - Дин Ян наконец вышел из ступора, вызванного неожиданной демонстрацией боевых навыков новичка. Он смотрел на не такие уж и мощные руки Шэнь Чан Аня и его простодушное, безобидное лицо с чувством глубочайшей внутренней противоречивости.

- Да ладно, у меня с глазами... - Шэнь Чан Ань смущённо почесал затылок. - У меня вообще-то зрение хорошее. Я не близорукий.

- А зачем тогда очки носишь? - от неожиданности Дин Ян даже перестал контролировать выражение лица.

- Чтобы взрослее казаться, - Шэнь Чан Ань приподнял подбородок и повернулся к Дин Яну в профиль. - Мы же теперь работаем. Солиднее выглядеть - оно уместнее, правильнее, так сказать.

Дин Ян, Сюй Цзэ и Чэнь Пань Пань ошеломлённо уставились на него:

- ...

---

1. Брат Шань (哥哥) - обращение "гэ" (哥 - старший брат) используется в Китае для обозначения мужчины, который старше по возрасту или занимает более высокое положение в неформальной иерархии (например, в уличной группировке). Это не родственная связь, а маркер уважения или признания главенства в данной социальной группе. В русском языке аналога нет.

2. 英雄救美 (yīngxióng jiù měi) - литературный перевод - герой спасает красавицу - устойчивое крылатое выражение, восходящее к классической китайской литературе и фольклору. Описывает классический сюжет, где доблестный муж приходит на помощь прекрасной деве, попавшей в беду. Часто используется как в прямом, так и в ироничном смысле.

3. 出尔反尔 (chū ěr fǎn ěr) - литературный перевод - брать свои слова обратно - это идиоматическое выражение из трактата "Мэн-цзы". Буквально означает "исходить от тебя и возвращаться к тебе же". В современном языке используется для обозначения непоследовательности, противоречивости в словах и поступках, когда человек сначала говорит одно, а потом делает другое.

4. 宁可信其有,不可信其无 (nángréndezuǐ, bùrúxiāngxìnbáirì jiànguǐ) - литературный перевод - "верить мужику на слово - всё равно что среди бела дня черта искать" - народная поговорка, построенная на гиперболе и сарказме. "Увидеть чёрта днём" означает столкнуться с чем-то совершенно невозможным. Фраза подчёркивает крайнюю степень недоверия к мужским обещаниям.

<http://bllate.org/book/16518/1503161>